

янного проживания вдали от родины. В то же время лиц, не исполнивших свои фискальные обязательства перед «миром», не обновлявших паспортов и не поддерживавших связей с родной деревней, сход обычно стремился исключить из земельного передела. Утрачивая право пользования надельной землей, общинник соответственно лишался оснований для заявления требований об укреплении ее в собственность⁹. Соответствующие указания были даны Министерством внутренних дел уже 7 июля 1907 г.: «отсутствующие домохозяева, которые не сохранили в своем пользовании наделов, или не получили таких при последнем общем переделе, приобретают право на укрепление за ними части общинной земли в личную собственность только тогда, когда они вновь будут наделены землею обществом»¹⁰. Тем же принципом, кстати, руководствовался и Сенат в своем, хорошо известном среди историков, разъяснении от 28 сентября 1910 г. о земельных правах «отсутствующих» общинников, подтверждавшем возможность укрепления ими земли, хотя бы сдаваемой в аренду или передаваемой на иных условиях прочим лицам. Этот документ вовсе не вносил, как принято считать, запоздалые коррективы в порядок укрепления надельных земель, а лишь уточнял отдельные правовые казусы вслед за предшествующими толкованиями Сената и МВД.

Если «мир» сохранял землю за проживающими на стороне общинниками, то и закон, который открывал им путь к утверждению собственности на свой надел, можно признать достаточно адекватным и последовательным. Хотя, крестьянство в массе своей считало главным (а часто и единственным) основанием права на землю ее производительное использование. Не составляли исключения и земледельцы, порвавшие с общиной. Так, крестьянин-писатель из Волоколамского уезда С.Т. Семёнов, являвшийся убежденным сторонником указа 9 ноября и разделявший его основополагающую идею — о праве личной собственности крестьянина на свой надел, все же не одобрял возможности укрепления сельхозугодий «нехозяйственными крестьянами», когда «ни за что ни про что награждаются люди, ничего не сделавшие для этой земли»¹¹.

Конечно, мнение крестьян о правомерности тех или иных действий власти отнюдь не всегда совпадало с логикой действовавшего законодательства. По обоснованной оценке М.Д. Карпачёва, общегражданское право оставалось для деревни «чужим, часто даже враждебным»¹². Но в ходе разрешения подобного рода противоречий власти не только сообразовывали свои действия со сложившейся традицией, но и в значительной степени опирались на нее. Так, при разбирательстве жалоб «отсутствующего» домохозяина на отказ общества вернуть ему надел учитывались условия, на которых земля была передана общине жалобщиком (срок, добровольность и проч.)¹³. Не случайно и Указ 9 ноября 1906 г., и последующие нормативно-правовые акты (прежде всего, подзаконные) в урегулировании земельных прав делают акцент именно на «фактическом пользовании», а не на формально-правовых аспектах.

Вместе с тем, не следует преувеличивать неприятие оседлой частью общины возможности укрепления земли. Достаточно вспомнить о многочисленных примерах того, как община стремилась сохранить в натуре свою землю именно при помощи указа 9 ноября, вынося